

Коктебель, Крым, 1949 год. Только что вновь открылся Дом творчества писателей. Вся жизнь сосредотачивается вокруг центрального корпуса, где жил и работал поэт и художник Максимилиан Волошин. Остальные корпуса писательского городка стоят полуразрушенными. Кругом отметины недавно закончившейся войны.

Здесь я познакомился с Петром Павленко. Его имя хорошо знакомо. Я читал сборник его рассказов и повесть "Счастье" о первых послевоенных годах в Крыму. А памятное всего фильм "Падение Берлина" по сценарию, написанному им совместно с режиссером Чиаурели. Фильм незадолго до этого вышел на экраны. Я смотрел его дважды, и он был во многом созвучен настроению страны, вышедшей из кровопролитнейшей войны. Сталин, которого мы могли видеть в основном на демонстрациях на трибуне Мавзолея, в фильме предстал близко и ошутимо.

Шутливый тон, розыгрыши, перемежающиеся пикировкой, творческими спорами, были характерны для атмосферы писательских домов, особенно для Коктебеля, у ворот которого ныне значится "Будинок радяньских письменников". Я впервые в жизни оказался у моря, близ невероятных гор, похожих на окаменевших чудовищ, спускавшихся на волю. Павленко расспрашивал о походах на соседние вершины, которые я совершал. Он хорошо знал окрестности и пояснял, виды какой деревушки или поселка открывались с перевалов, куда меня заносили ноги.

А меня подмывало расспросить, как создавался его знаменитый фильм. Несмотря на разницу в годах (мне было двадцать, писателю — пятьдесят), Павленко удовлетворял мою любознательность, задерживаясь за столом дольше, чем обычно.

— Первая трудность была в том, что сценарий должен был прочитать сам Сталин. Такая практика была принята для картин, где Иосиф Виссарионович был в числе действующих лиц. Без его одобрения нельзя было начать съемку фильма. А тут прошло четыре месяца, на Мосфильме уже запущен бюджет, надо было уточнить, кого из актеров мы берем, начинать съемки. А из Кремля никаких новостей.

Как дать знать товарищу Сталину, что это ставит нас в трудное положение? В то время на доклад в Кремль собирался наш знакомый, министр тяжелой промышленности Тевосян, и мы попросили его в тактичной, конечно, форме напомнить о нашем существовании.

БИТВУ ЗА БЕРЛИН ЗАВЕРШАЛИ С ЮГА МАРШАЛ КОНЕВ С ЕГО КРЕПКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ХВАТКОЙ, С СЕВЕРА — ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ РОКОССОВСКИЙ, ПЕРЕЖИВШИЙ В СВОЕ ВРЕМЯ НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ АРЕСТ И ДОРОЖИВШИЙ КАЖДЫМ СВОИМ СОЛДАТОМ. А В ЦЕНТРЕ ДОБИВАЛ ГИТЛЕРА НЕУКРОТИМЫЙ ЖУКОВ, КОТОРЫЙ РАНЕЕ, ПОБИВ ЯПОНЦЕВ ПРИ ХАЛХИН-ГОЛЕ В МОНГОЛИИ, ФАКТИЧЕСКИ ПРЕДУПРЕДИЛ ВСТУПЛЕНИЕ ЯПОНИИ В ВОЙНУ ПРОТИВ СССР, ЗАТЕМ ОСТАНОВИЛ ВРАЖЕСКИЕ АРМИИ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ, ОТБРОСИЛ ИХ ОТ МОСКВЫ, И СТАЛИН ПРЕДОСТАВИЛ ЕМУ ЧЕСТЬ ЗАВЕРШИТЬ ВЕЛИЧАЙШУЮ БИТВУ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, БЛАГОДАРЯ КОТОРОЙ ДОЛГО СОХРАНЯЛИСЬ МИР И СВОБОДА НА ЗЕМЛЕ.

— Закончил читать вашу работу. Скажите, кто вас консультировал по военным вопросам?

— Полковник Иванов.

— Полковник Иванов? Какой это полковник Иванов... А-а, полковник Иванов. Надо же, войну недавно закончил и уже все забыл. А вы не могли бы заехать ко мне побеседовать? Когда? Скажем в субботу, в час ночи?

— Конечно, товарищ Сталин.

Еду на дачу к товарищу Сталину. Меня проводят на полукруглую террасу. Сталину в это время принесли кастрюлю с супом.

— Не хотите со мной?

— Спасибо, Иосиф Виссарионович, я пообедал.

— Тогда, извините, я поем.

Надевает фартук, берет поварешку, наливает себе в тарелку, ест. Потом вытирает усы, снимает фартук и приглашает к карте. Карта подробная, покрыта стрелками, значками. Видно осталась со времен боев.

— Сейчас мы с вами будем брать Берлин. Увидите, как это было.

И рассказывает, как планировалась берлинская операция, какие задачи ставились на флангах маршалам Рокоссовскому и Коневу, а в центре — Жукову. Затем подробно, называя дивизии, полки, даже батальоны, имена их командиров, поясняет, вот так шли бои, развивались действия.

Надо сказать, что когда я работал над сценарием, мне дали доступ к некоторым материалам Ставки Верховного командования. Правда, всего на три дня. Там встретились любопытные подробности. Продвигаясь к Берлину, как известно, Жуков встретил ожесточенное сопротивление гитлеровцев на Зееловских высотах. Он применил свои любимые ночные атаки с прожекторами, но на этот раз не очень успешно. Немцы сражались с решимостью отчаяния. А высоты были отлично укреплены, и мы несли очень большие потери. Командование нервничало. В это время Жукову доставили "языка", которого раздобыли ночью на передовой во время вылазки. Это был офицер низкого ранга. На допросе он показал, что командование требовало от них любой ценой продержаться две недели, после чего им обещали возможность отойти в тыл. А на место немцев якобы... станут американцы. Было видно, что гитлеровская пропаганда изыскивала самые необычные способы, чтобы поднять боевой дух. На этот раз с помощью идеи, что удастся столкнуть США и СССР под Берлином. Видимо,

**И. В. СТАЛИН:
"БЕРЛИН БЫЛ
ВЗЯТ ТАК..."**

И вы знаете, сработало. Звонит Тевосян:

— Напомнил я о вас. Сталин извиняется. Много работы. Сценарий у него в ящике стола оставался. Обещал прочитать к четвергу.

И вот четверг. Два часа ночи. Звонок:

— Товарищ Павленко, я вас не разбудил?

— Что вы, я работаю.

А сам глаза еле продираю. У Сталина, это многие знают, привычка по ночам работать. Все к ней принараивались.

Сталин говорит:

чтобы как-то объяснить трудности с наступлением, Жуков направил содержание допроса непосредственно Сталину.

В материалах Ставки содержался и ответ, составленный в характерном для Сталина стиле. Звучал он примерно так: "Жуков, что вы мне посылаете показания какого-то унтер-офицеришки. Конев и Рокоссовский уже окружили Берлин. Вам остается его взять. Не психуйте. Лучшее средство от паники — взять Берлин. Сталин". И взял ведь...

Но одно дело архивы, другое — рассказ самого Сталина. Взятие Берлина завершало разгром фашизма. Заключительная фаза требовала особого напряже-